

(ОКОНЧАНИЕ.  
НАЧАЛО  
В НОМЕРЕ  
ЗА 7 МАЯ)

# «И все-таки»

## ИЗ ДНЕВНИКОВ ПИСАТЕЛЯ И ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА АРИФА САПАРОВА

После полного освобождения Ленинграда Ариф Сапаров работал в газетах действующих армий. Во время Берлинской операции Ариф Васильевич трудился заместителем главного редактора газеты 3-й Гвардейской армии 1-го Украинского фронта «Боевой товарищ». И как всегда, в его дневниках — «неопубликованное».

### 3 МАЯ 1945 ГОДА

9 утра. Южная окраина большого Берлина. Сквозь дымную пелену, нависшую над городом, тускло светит солнце.

Выехали мы из-под Дрездена еще затемно. И вся дорога была как бы живой свидетельницей крушения военной машины врага. Крепкую машину сумел создать Гитлер, но вот не выдержала, сломлена.

Полотно автострады заполнено пленными. Пешим ходом бредут бывшие рядовые и бывшие офицеры, а позади каждой колонны непременно тащится наш служивый, которому выпало докучливое поручение конвоировать эту унылую толпу бывших врагов. Вернее, даже не конвоировать — все равно никуда не сбегут, — присматривать за порядком.

Переезжает армейский банно-прачечный комбинат. На трехтонках рядом с огромными котлами для дезинфекции сидят и пленные. Эти, видать, не первый день кочуют при живом деле. Успели попривыкнуть к своим обязанностям подсобников.

В шикарном лакированной коляске с дутыми шинами едет бледный гитлеровский оберст — по-нашему полковник. Правая рука у него на черной перевязи, щека крест-накрест залеплена пластырем. Лошаденка попала в убогая, еле-еле трусит. За коляской топают солдаты оберста, усталые, запыленные. Этим и одного конвойного не досталось, прут в русский плен собственным попечением...



Берлин. 3 мая 1945 г. Фото А. Цыганова.

\*\*\*

Окраина Берлина сохранилась почти вся целиком. Кое-где горожане уже мобилизованы на работу. Метут улицу, убирают с проезжей части обломки и щебень. Старательно трудятся, с усердием.

Чем ближе к центру, тем заметнее становятся разрушения. Польшают пожарища. При дневном свете, лишённые своих злобещих красок, пожарища выглядят обыденно. Асфальта мостовой совсем не видно, все покрыто рыжим кирпичным щебнем, а на щебне, как лыжня по снегу, — колея от проехавших раньше нас автомашин.

Миную улицу, разрушенную полностью. Вместо домов — черные каменные коробки, голые, со слепыми глазницами окон, страшные и непонятные, как дурной сон. Пахнет гарью. Тянет откуда-то тошнотворным запахом мертвечины. На этой улице все дома занимали смертники с фаустпатронами. Танкистам пришлось выбивать их прямой наводкой.

Прислушиваюсь к своим ощущениям, хочу настроить

себя на торжественный лад и вдруг понимаю, почти со страхом обнаруживаю, что никакой во мне торжественности нет. Запах пожарищ повсюду тосклив. Госпиталь на Суворовском проспекте, который гитлеровская авиация сожгла осенью 1941 года, выглядел так же страшно, как эти берлинские дома. Беду всюду называют бедой.

Все сложнее продвигаться вперед. Объезжаем завалы, преградившие улицы-ущелья, подолгу и натужно взбираемся на высокие горки из битого кирпича.

\*\*\*

Наконец впереди показываются Бранденбургские ворота. Узнаю их сразу, хотя и покалечены они изрядно. Колонны пробиты снарядами. Колесница триумфатора опрокинута, кто-то прицепил к ней красное полотнище.

Ворота так себе, посуше, показнее наших ленинградских, то бишь Нарвских. Тем не менее мы с Николаем (Николай Грибачев, поэт, журналист, главный редактор журнала «Советский Союз». — Прим. ред.) останавливаемся, чтобы увековечить себя для потомства. Перед воротами уже стоит десяток машин и наши ребята усердно щелкают своими фотоаппаратами, стараясь захватить в кадр и опрокинутую колесницу, и изрешеченные колонны.

Вся площадь перед воротами в глубоких воронках. Валяются зарядные ящики. Посередине лежит убитая лошадь со вздувшимся животом.

Вежливо приподняв плоскую спортивную шапочку, к нам подходит пожилой худощавый дядя. Учтив, предупредителен, изъясняется на ломаном русском языке — в прошлую войну отбывал, оказывается, плен где-то под Иркутском.

— О, русские есть очень хороший люди! — осторожно улыбается дядя. — О, я всегда это говорил!

В удостоверение своего образа мысли дядя сует аккуратно сложенную бумажку. На ней по-русски написано, что податель сего Курт Хассмайер является весьма гуманным хозяином. Подписано каким-то Сашей Никаноровым, вторая подпись неразборчива. Бумажку выдали наши военнопленные, работавшие в мастерской дяди. Сочинили, должно быть, по доброту души, а может, этот Курт и в самом деле совестливый эксплуататор дарового труда.

Забрав бумажку, учтиво раскланявшись, дядя пятится задом и исчезает.

— Видал миңдал? — говорит ему вслед редактор. — Бумажонка-то датирована сорок третьим годом! Выходит, еще тогда был запасен оправдательный документик...

Я тоже это заметил. И тут мне вспоминается, что кто-то из фашистских главарей, кажется сам Геббельс, совсем недавно призывал защитников немецкой столицы поучиться стойкости у ленинградцев. Вот уж действительно попал в небо пальцем! Да если бы среди ленинградцев имелись любители оправдательных документиков, разве смогли бы мы отставить свой город девятьсот дней и ночей?

\*\*\*

Налево от Бранденбургских ворот парк Тингартен. Деревья в парке обглоданы снарядами. На аллеях стоят



Николай Грибачев и Ариф Сапаров у Бранденбургских ворот. 3 мая 1945 г. Фото С. Круглякова.

наши закопченные самоходки. Много мертвецов. Главным образом фолькштурмисты или юнцы из гитлерюгенда. Валяются на аллеях противогазы, фаустпатроны, ключья окровавленных бинтов.

Сворачиваем к правительственному кварталу. Ищем Рейхстаг, а вместо него попадаем к внушительному зданию рейхсканцелярии, штаб-квартире Гитлера. В залах рейхсканцелярии вчера еще кипели бои. Почти все здесь разрушено, исковеркано, в зияющих пробоинах.

Входим в длинный зал-приемную, где ждали часами аудиенции главы государства. Стены из полированного мрамора, верхний свет, массивная дверь красного дерева с золоченым щитом, на котором черная свастика. По полу рассыпаны сотни новеньких железных крестов — их не успели раздать.

Кабинет Гитлера, как и приемная, огромен — на четырех квадратных метрах. Письменный стол опрокинут взрывной волной. Под столом валяется глобус.

Какие-то помещения канцелярии еще в огне. Пожар тушить нечем, водопровод не действует.

Во дворе, обнесенном глухим забором, — черные сгоревшие танки. К забору навален штабель мертвецов. Их больше сотни, это, наверное, последние защитники фюрера.

Входом в бетонированное подземелье, где провел последние свои дни Гитлер, служит глубокая яма. Тяжелая бомба вскрыла железобетонный накат, пробив отверстие, в которое может влезть человек.

У краев ямы оживленная толпа. Одни, набравшись смелости, прыгают вниз. Другие, наоборот, стремятся выбраться наружу.

— Протяните кто-нибудь руку, братцы! — кричит снизу какой-то старшина-артиллерист. У него счастливо возбужденное лицо. Выкарабкавшись из ямы, он вытаскивает из-под шинели канареечного цвета военный френч с тремя железными крестами на груди.

— Личный пиджачок самого Гитлера! — объясняет старшина, показывая френч всем желающим. — Свезу домой на память! Ей-богу, не вру, братцы! Самого, как есть самого! Смотрите, какой матерьяльчик, чистая шерсть...

— А что там внизу? Стоит спускаться? — спрашивают старшину.

— Покойнишка! — пренебрежительно бросает он и, сунув френч под шинель, уходит со двора.

Кто-то догадался притащить железную пожарную лестницу, ее опускают на дно ямы, и мы запросто попадаем в подземелье.

Верхний ярус использовался как помещение для охраны. В небольших квадратных блоках стоят в два эта-